

ТЕМА НОМЕРА

НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.4

EDN: PUVANE

Концептуализация понятия «социокультурная безопасность» средствами grounded theory Б. Глейзера¹

Ссылка для цитирования: Кузнецов А. Е., Кетов И. В. Концептуализация понятия «социокультурная безопасность» средствами grounded theory Б. Глейзера // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 1. С. 60–80. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.4; EDN: PUVANE.

For citation: Kuznetsov A. E., Ketov I. V. Conceptualizing the Notion of “Sociocultural Security” Using B. Glaser’s Grounded Theory. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 1. P. 60–80. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.4; EDN: PUVANE.

SPIN-код: 6325-0018

Кузнецов Александр Евгеньевич¹

¹Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия

kzntsv@list.ru

SPIN-код: 2577-3152

Кетов Иван Владимирович¹

¹Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия

jollyget@yandex.ru

Аннотация. В работе предпринимается попытка концептуализировать понятие «социокультурная безопасность» средствами grounded theory по версии Б. Глейзера. Охарактеризована специфика подхода Глейзера в сравнении с анализом качественных данных и преимущества grounded theory. Исходным материалом для концептуализации послужили результаты первого этапа исследования регионального опыта участия в проектах инициативного бюджетирования, представляющего собой новую форму государственного финансирования развития поселений на основе поданных жителями заявок. Настоящая статья продолжает дискуссию о качестве государственного управления, начатую еще в 2019 г. М. К. Горшковым, который обращал внимание на важность социологического исследования и оценки качества государственного управления. Предполагается, что проектное бюджетирование может быть

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФ № 24-78-10117.

мотивировано неверными ожиданиями и проецируемыми извне ценностями, которые отражают устои бюрократического контроля и обесценивают реальные интересы и практики локальных сообществ. Понятие «социокультурная безопасность», предложенное исследовательской группой, призвано обозначить эти самые интересы и практики, характерные для экологии и культуры локальных сообществ, а не внешних администраторов и потребителей результатов социального администрирования территорий. Современные внешние интервенции в развитие местных сообществ часто основываются на количественных показателях эффективности и надеждах на высокую туристическую привлекательность и рентабельность дотационных окраин, что не всегда соответствует реальным потребностям и особенностям этих сообществ. Статья базируется на результатах интервью с сотрудниками администраций, волонтерами и активистами в шести муниципалитетах Пермского края. Проведенное исследование было направлено на выявление и анализ реальных потребностей и практик местных сообществ с целью точнее определить параметры социокультурной безопасности и разработать рекомендации для повышения качества государственного управления в этой области. В статье предлагается новый взгляд на проблему инициативного бюджетирования и его влияния на развитие местных сообществ, акцентируется внимание на важности учета культурных и социальных особенностей каждого региона.

Ключевые слова: *grounded theory*, Б. Глейзер, государственная политика, инициативное бюджетирование, развитие территорий, социокультурная безопасность

Введение

Как и многие регионы РФ, малые города и поселения Пермского края переживают процессы старения и депопуляции населения, дефицит собственных средств, деградацию социальной инфраструктуры и общественных услуг. С целью изучения указанных тенденций и рисков, угрожающих местным сообществам, а также мер, обеспечивающих социокультурную безопасность сообществ, группа исследователей Пермского государственного национального исследовательского университета в ноябре–декабре 2024 г. провела серию интервью с сотрудниками администраций, волонтерами и активистами в шести муниципалитетах – Добрянском, Ильинском, Красновишерском, Пермском, Соликамском, Чернушинском – Пермского края. Всего был опрошен 31 чел. в возрасте от 21 до 66 лет, 20 из которых женщины и 11 – мужчины. Преобладание женщин среди респондентов отражает их большую представленность в составе администраций муниципалитетов и более высокую степень вовлеченности в волонтерскую деятельность в обследованных округах.

Цели статьи – теоретико-методологическая: 1) представить авторскую версию концептуализации понятия «социокультурная безопасность» средствами *grounded theory*¹ (далее – GT), а также 2) привлечь внимание исследователей к специфике применения GT в версии Глейзера, показав принципиальное отличие *концептуализации* от практики *кодирования*, ассоциируемой с работами Штрауса.

¹ Букв. «обоснованная теория» или «приземленная теория».

Анализ угроз современности представлен в работах ряда зарубежных классиков социологии [26; 27; 29]. Российские исследователи [1; 13] предложили вариант *антропосоциокультурного подхода*, делающего акцент на взаимодействии акторов в регионах. В зарубежной и отечественной литературе доминируют: *структурно-функциональный подход* [21; 4; 3; 11; 23; 47; 14], культурный подход, фокусирующийся на культурной безопасности [4; 7; 18; 2] и политический подход, фокусирующийся на безопасности национальной [20; 15; 3; 41]. *Нарративный подход* [25; 41] предлагает анализ глобальных нарративов безопасности, схожий с тем, который содержится в работах российских авторов, посвященных смене парадигмы государственного влияния [17; 16; 8] и акторных стратегий в дискурсе исторической памяти [9; 5].

В большой социологической теории ближайший к социокультурной безопасности концепт – онтологическая безопасность Э. Гидденса, определяемая как: «чувство преемственности и упорядоченности событий» [30, с. 243], «уверенность в преемственности самоидентичности и постоянстве социальной и материальной среды действия, чувство устойчивости людей и вещей» [29, с. 92], безопасность, «зависящая от имплицитной веры акторов в конвенции... укорененная во взаимном знании, что взаимодействия “непроблематичны”» [28, с. 219], «опыт самости индивида в отношении к миру людей и объектов» [30, с. 45]. По аналогии с концептом онтологической безопасности и опираясь на GT, авторы настоящей статьи предлагают свою версию концептуализации социокультурной безопасности.

Grounded theory

Выбор GT для концептуализации социокультурной безопасности не случаен. Концептуализация – главная операция в GT. Мы опираемся на GT в версии Б. Глейзера как на наиболее последовательный вариант ее применения. Большая часть работ Глейзера малодоступна и редко цитируется. В России GT воспринимается в перспективе «Основ качественного исследования» [50], которые Глейзер подверг резкой критике: «Книга – низкоуровневая, детализированная (даже фрагментированная) верификационистская попытка качественного описания с использованием количественной ментальности» [34, с. 80]. Показателем слабого знакомства с GT является широко распространенное восприятие ее как стратегии работы лишь с качественными данными. Глейзер опубликовал специальное возражение против такого восприятия [40]. В России GT посвящено мало работ [6; 10]. Данная статья – приглашение отечественных исследователей-социологов к изучению, применению и критике GT.

GT – стратегия работы с данными, которая должна демонстрировать формулирование выводов и гипотез [32, с. 3]: их связь с данными должна быть эксплицитна. Концептуализация – основная процедура работы с данными. В последующих работах А. Штрауса [49; 50; 51]

проводится постепенное замещение концептуализации процедурой построчного кодирования. Б. Глейзер же последовательно развивает метод концептуализации, описанный в их ранних, общих со Штраусом работах [31; 32]. Выбор между концептуализацией и построчным кодированием имеет важнейшее значение в осознанном выборе между построением обоснованной теории и описательным исследованием. Цикл работ Глейзера [34; 36; 37; 38] специально посвящен разоблачению многочисленных случаев подмены GT описательными исследованиями, которые он называет *qualitative data analysis* (т. е. качественным анализом данных; далее – QDA): «QDA дает описание или концептуальное описание... GT, напротив, дает концептуальную теорию о том, как участники путем анализа корневой категории непрерывно разрешают их главную проблему» [37, с. 210]. Отличительной чертой QDA является убеждение, что кодирование индикаторов (а не их сравнение, как в GT) – основная процедура в работе с данными [44]: исследователь присваивает код индикатору, группа кодов образует категорию. Для понимания различия между QDA и GT важно учитывать терминологические различия. Кодированием Штраус называет именование каждого индикатора, тогда как Глейзер – именование каждого сходства, различия и совместимости индикаторов [34, с. 37]. Категорией или классом индикаторов Штраус называет то, что Глейзер назвал бы концептом: категория – тип концепта, обладающий большей абстрактностью [34, с. 37].

Глейзер специально возражает против кодирования каждого инцидента: под «концептуализацией данных мы понимаем не разделение на единичное наблюдение, предложение или параграф и присвоение каждому дискретному инциденту, идее или событию концептуального имени, которое указывает на что-то, что замещает или представляет феномен. Такой анализ единичных инцидентов приведет к месиву из слишком многих категорий и свойств, которые не породят анализ» [34, с. 40]. Иными словами, присвоение кода каждому сегменту данных непродуктивно, поскольку не ведет к обнаружению связей между инцидентами. Это лейтмотив GT – она «просто случается (just happens), ибо мир интегрирован, и мы открываем мир – не создаем его!» [34, с. 76]. Каждый сегмент – указание на концепт или паттерн (отсюда «индикатор»), это частный случай (отсюда «инцидент»), проявление внутреннего единства опыта участников, который вынужденно предстает перед исследователем во фрагментированном виде. Такая фрагментация отражает методы сбора данных – текстовые данные интервью фрагментированы вопросами, визуальные данные фрагментированы полевыми записями, фото- и видеодокументами.

Итак, суть GT заключается в следующем. Наблюдая известные участникам или просто очевидные «инциденты» (события, действия, ситуации, объекты, люди), затем сравнивая эти «инциденты» и устанавливая более абстрактные отношения между ними, исследователь фиксирует результат сравнения путем «именования», т. е. присвоения концепта (с этого момента «инцидент» становится

«индикатором» назначенного концепта). Таким путем исследователь продвигается к обнаружению некоей неочевидной тенденции, обладающей потенциалом существенного изменения отношений и положения участников, – изменения, которое на момент исследования еще не осознается участниками. В нашем исследовании, например, обнаружена следующая тенденция: вероятно, может происходить неявный процесс, который ведет к изменению государственной политики в сфере проектной поддержки развития муниципалитетов либо к фактическому коллапсу этой политики в бедных муниципалитетах. Мы полагаем, что богатые муниципалитеты действуют в русле традиционной государственной политики коммерциализации социальной сферы и развития туристической индустрии, в то время как бедные муниципалитеты неявно реализуют совершенно иную политику – развивают культурные и культовые объекты и компетенции¹. Вторая из указанных политик осуществляется спонтанно и без всякого согласования. Это еще латентный процесс, который, предположительно, чреват конфликтом с ожиданиями государственных администраторов проектной политики. Такие ожидания ориентированы на развитие туристической привлекательности и «продаваемость» локальных объектов, на вкусы и бюджеты приезжих туристов из других регионов. В то же время тенденция к развитию локальной идентичности, ценности общего владения пространством, осведомленности об укорененности и самооценности «туземности» отрицает задачу коммерциализации для сторонних потребителей и постулирует ценность личного и локального исторического опыта.

Концептуализация социокультурной безопасности

Концептуализация в GT – не конкретное определение, а процесс формулирования концепта в работе с данными. Мы разделили концептуализацию на три этапа:

1. Назначение концептов

Построение теории может начаться с любого индикатора, который покажется исследователю аналитически перспективным. Вот как сотрудник администрации отдаленного городского округа характеризует цель участия местных жителей в краевых и федеральных конкурсах заявок на финансирование мероприятий на местном уровне: *«Пространства такие вот новые современные стараемся создавать, чтобы людям было комфортно»* (P1). Представленная формулировка почти буквально отражает задачи проектного финансирования. Но она также демонстрирует два факта: 1) перечень «пространств» нашего

¹ Проверке этого предположения авторы планируют посвятить отдельную публикацию по результатам анализа количественных и качественных данных, сбор которых ведется в настоящее время, в 2025–2026 гг.

респондента категоризирует объекты, а не события, действия, участников и т. д.; 2) свойства явно определяют два концепта. **Концепт 1:** «Новые пространства»; инциденты – детские спортивные площадки, водопроводы, уличное освещение и тротуары. **Концепт 2:** «Старые пространства» со свойством «ремонт», «отремонтировали», но не «создавать» (библиотеки, памятники иobelisks). Объекты в **концепте 2** явно не отвечают первичным свойствам «комфортно» и «современно». Здесь мы получаем первый сигнал о возможной проблематизации проектной политики: что объединяет эти разные направления реализации социальных проектов – ориентированные на материально (**концепт 1**) и на символически (**концепт 2**) значимые объекты?

Необходимо особо отметить, что число инцидентов в концепте не имеет значения. В интервью других респондентов оба концепта расширились, но не значительно. Потенциально концепт может быть сформулирован и к одному (первому обнаруженному) индикатору, но имя концепта должно быть абстрактным, открытым для пополнения новыми инцидентами [32, с. 23]. При этом абстрагирование может быть проведено эмпирически. Подчеркнем, что респондент сам сформулировал (именовал и наполнил объектами) концепты 1 и 2 – они буквально «обоснованы» в данных.

2. Интеграция концептов в категории есть поиск поведенческого паттерна

Трудность в понимании этой процедуры заключается в том, что концепты и категории возникают в ходе одной операции – концептуализации. Концепты основаны на сходстве инцидентов, категории – на релевантном различии (или «свойствах» инцидентов), которое Глейзер называет «годность» (*fit*). Годность «основана на именовании паттерна, который возникает [emerges] от инцидента к инциденту (не основан на одном лишь инциденте)» [35, с. 140], поскольку «*один инцидент не составляет паттерн, и на деле может указывать на паттерн, который еще не определен и который не особо релевантен*» [там же, с. 145].

Сходство и годность соотносятся как два уровня абстрагирования – концептов от инцидентов и паттернов (категорий) от концептов. Глейзер дает только самые общие указания насчет абстрагирования в ходе концептуализации: «*Три важных свойства концептуализации: 1) именование латентных паттернов концептами, которые суть категории и свойства; 2) продолжительное схватывание (grab) концептов и 3) абстрагированность концептов от времени, места и людей*» [37, с. 52]. Затем Глейзер аналогичным образом характеризует категории: «*Категории, обозначающие латентные паттерны... абстрагированы от времени, места и людей*» [37, с. 143]. Паттерны обычно не осознаются участниками, поскольку их опыт привязан ко времени, месту, людям, тогда как паттерны абстрактны.

Наше затруднение в переходе от концептов к категории вновь разрешилось эмпирически. Тот же респондент привел ряд инцидентов по теме туризма, финальным из которых был: *«Все же экскурсии, туризм – это наше пока вот будущее – туризм для (нашего) округа. Округ был, территория была сельскохозяйственная. К сожалению, сейчас больших колхозов нет, производства у нас нет на территории, вот, а история огромная»* (P1). Ирония этого инцидента раскрывается вкупе с другими инцидентами: *«на фестивале продавали сыр и гончарные поделки»* (P1), *создали туристический маршрут в поселке* (P1) и *«это маленький семейный туризм, который не массовый»* (P1). Упомянутая группа инцидентов – явное свидетельство ограниченности туристической индустрии округа, которая определено не может заместить потерю аграрной отрасли, кормившей муниципалитет в прошлом.

Перечисленные инциденты были далее объединены в **концепт 3** «Культурный туризм», идею которого подсказал первый же инцидент: *«Мы взяли те территории, где... есть перспективы развивать туризм ... все же Ильинский очень богатый округ на культурное, на историческое, культурно-историческое наследие, археологическое. У нас много памятников истории и культуры и, конечно, тема Строгановых»* (P1). Само имя инцидента («Культурный туризм») подчеркивает некоммерческую ориентацию проектов.

Концепт 3 быстро набрал серию инцидентов *в других округах*. Для всех них была характерна ориентация на: 1) детей/подростков, 2) историко-краеведческий интерес, 3) события, а не объекты (как в случае **концептов 1** и **2**). Последнее обстоятельство дает более высокий уровень абстракции при объединении этих концептов в одну категорию, поскольку теперь результаты проектов разнятся. Туристические проекты не воплощаются в крупных и недвижимых объектах, они завершаются мероприятиями или покупкой экипировки. Это свойство, маркирующее сходство и различие между **концептами 1, 2** и **3**, мы обозначили кодом «Воплощение». Он фиксирует принципиальное различие с двумя важными последствиями: 1) проектные средства, воплощенные в фиксированной форме (в объектах), заведомо более масштабны, так как включают будущие обязательства по сохранению и обслуживанию инфраструктуры; 2) местные администраторы, по-видимому, использовали принцип инициативного бюджетирования и обратили этот инструмент против политики федеральных администраторов, направленной на создание доходной инфраструктуры. Поскольку местные инициативы уклоняются от инвестирования в туристическую инфраструктуру, локальные участники оставили бремя создания и ответственность за эксплуатацию этой инфраструктуры федеральным властям. В результате этого федеральные спонсоры проектов должны прямо взять на себя ответственность за указанную категорию объектов и обеспечение их окупаемости – ответственность, которую первоначально предполагалось возложить именно на местные власти.

Изложенные выше обстоятельства побудили нас сформулировать цикл проектной работы: определение потребности → сбор союзников → конкурс → инвестиция → пользование объектом. В *концепте 3* цикл прерывается на шаге 4 («инвестиция»): средства расходуются на проведение мероприятий, но не на создание объектов. Можно ли предположить, что участники осознанно не инвестируют в создание туристических *объектов*? Это проблема негативного события (что участники не делают?), которая требует решить вопрос релевантности (почему эти действия следовало ожидать?) [См., напр.: 46, с. 120].

Следующие свидетельства релевантности извлекаются из данных.

1. Создание турбаз желательно. Туристов респонденты строго делили на местных (в основном дети и подростки) и приезжих. Отсутствие инфраструктуры ограничивает возможности для обеих групп: *«Давайте слет проведем в рамках как бы туристического слета. Ну, мы понимаем, чтобы вывезти, это нужна турбаза, да, это совсем другое финансирование. Это хочется»* (P2). Однако как раз таки создания баз участники проектов и избегают.

2. Единичное исключение из этого правила (не создавать турбазы) – площадка с мусорными баками на туристическом маршруте, популярном у приезжих туристов. Даже здесь очевидна отрицательная цель этого воплощения – защитить природу. Вне интервью информанты неоднократно использовали конвенциональную формулу: *«От приезжих туристов нам остаются не деньги, а мусор»*. Интересно, что даже местные туры подчиняются этой вынужденной цели: *«В рамках летней оздоровительной кампании в рамках сплава у нас обязательно в программе очистка туристических стоянок»* (P2). Можно сказать, жители, взяв на себя добровольную ответственность за сохранение места, осуществляют свое историческое право на обладание пространством, которому угрожают чужаки – приезжие туристы.

3. Указание на риск *утраты* упомянутого выше пространства в случае строительства там турбаз: *«Есть туристические базы, но они довольно-таки дороговатые. То есть, для среднего класса и для маленьких каких-то потоков у нас вот нет инфраструктуры»* (P1). Иными словами, строительство частных, доходных турбаз закрыло жителям доступ к захваченной бизнесом части пространства. Даже допущение, что турбазы, построенные на проектные средства, могут быть доступнее частных, не устраняет это обстоятельство: платному пользованию наряду с приезжими жители предпочитают свободное пользование жизненной средой как своей исключительной собственностью. Отсутствие инфраструктуры ограничивает, но все же не запрещает жителям доступ к пространству.

Итак, обнаруженный паттерн заключается в перенаправлении проектных средств на создание/восстановление некоммерческих и локально ценных объектов и в сопротивлении туристической колонизации значимых пространств.

3. Выбор корневой категории

Выбор корневой категории есть определение поведенческого паттерна, объединяющего большее число категорий [35, с. 26]; «*корневая категория объясняет максимум вариаций в поведении*» [33, с. 129]. Однако критерий интенсивности деятельности или охвата категорий не позволяет определить корневую категорию и как таковой несоциологичен.

Обнаруженный паттерн дал вариацию поведения, выражающуюся в вышеописанном выборе направлений инвестирования проектных средств, который выглядел как реакция на угрозу коммодификации объектов и пространств. На основании этого паттерн был именован «Управление коммодификацией». Перспектива прекращения финансирования объектов заложена в самой политике проектного бюджетирования. Это неизбежная, запланированная проблема, решений которой у участников нет. Но эту корневую категорию мы определили только в результате отсева прочих категорий. Они не позволяли проблематизировать поведение.

Первоначально более интересной представлялась категория «Управление приоритетами», включавшая *концепт 4* «Ускорение развития»: отмечавшиеся в разных интервью из разных округов случаи уговаривания жителей принять участие в подаче конкурсных заявок. *Концепт 5* «Неисполненные обязательства», напротив, включал мало инцидентов, но они были заведомо не единичны: период безденежья в 2000-е гг. и связанное с ним постоянное отставание в реализации планов развития. Так, например, администраторы по просьбе жителей включили освещение улицы в план, но «*тут прокуратура вмешалась, решение суда надо исполнять. Оказывается, у нас там по другим деревьям было решение суда по освещению, поэтому, другой, мы тебя вычеркиваем, решение суда для нас важнее, мы оставим проведение решения суда, и тебя там опять через 3 года*» (РЗ). Это готовое объяснение для *концепта 4*: раз исполнение бюджета задерживает развитие округа, администраторы ускоряют развитие в рамках инициативного бюджетирования. Поскольку категория (паттерн) должна объяснять поведение, *концепт 5* мы переквалифицировали в категорию «Управление приоритетами», включающую *концепт 4*.

На этапе составления аналитических заметок, сопровождающих работу с транскриптом (мемо) мы выдвинули гипотезу: «Очередность выполнения имеет два интересных аспекта. 1. Увеличение числа невыполненных обязательств в результате повторного включения прежних невыполненных работ в план должно увеличивать число граждан, разочарованных несвоевременным исполнением работ. 2. Такой подход чреват репутационными потерями: жалобы и иски, решения судов и требования прокуратуры могут создавать образ преступной администрации, сознательно и бесцельно уклоняющейся от исполнения своих обязательств». Правда, здесь мы склонны усматривать не столько вредительство, сколько попытку сориентировать развитие территории по принципу актуальности, а не очередности проектов: исполняется тот проект, который актуализован (включением в планы либо судебным иском) в момент, ближайший ко времени реализации.

В мемо мы вывели репутационные потери администраторов логически, однако затем, в транскрипте мы обнаружили готовые («эмерджентные») индикаторы, например: *«Там же люди знают, что к ним приедет исполнительная власть эту информацию доводит... есть же всегда в зале... негативисты, которые очень любят... громкие лозунги: “Там действующая власть ничего не делает”. Да, да, да. И поехали»* (РЗ). Приведенный концепт 6 мы именовали *in vivo* кодом «Тяжело раскачивать», поскольку респондент сам резюмировал первичное отношение недоверия жителей так: *«И очень тяжело их раскачивать»* (РЗ).

Как видим, категория «Управление приоритетами» объясняет сопротивление жителей (*концепт 6*) и необходимость прибегать к уговорам и проектам (*концепт 4*). Следует ли считать, что в данной категории такого типа поведения «больше», чем в категории «Управление коммодификацией», где участники лишь перераспределяют проектную работу между направлениями, где круг участников уже (нет недовольного электората, судов и прокуратуры) и уже сам круг работ, объектов и объем вложенных средств? Полагаем, «величина» поведения бесполезна в выборе корневой категории. Однако в поздних работах Глейзера имеются разрозненные указания на *содержательную* логику поиска корневой категории: теория «объясняет длящееся разрешение главной проблемы [concern] участников в проблемной области» [38, с. 35], «разрешение проблемы есть главный движитель действия и взаимодействия» [36, с. 99]. Если исходить из этого, категория «Управление приоритетностью» не может быть корневой.

Корневая категория – концептуальный представитель паттерна, а паттерн, в свою очередь, направляет участников и отражает их основную проблему, указывает на нее. Рассмотрим роль паттерна. Ранее мы видели, что участники реализовывали специфическую политику *воплощения* проектных средств в культурных объектах и *невоплощения* в объектах туристических. Однако это не просто попытка зафиксировать как можно больше средств в некоммерческих объектах, пока государство еще финансирует проекты. Тот же администратор особо подчеркнул ценность кладбищ и легкость, с какой авторам проекта («самообложение») удавалось собирать средства на обустройство ограждения и дороги: *«Потому что... здесь ничего так не объединяет людей, как кладбища»*; *«Самое замечательное для меня здесь это кладбище»*, *«Мы своим примером должны нашим детям показывать, как это должно быть впоследствии, чтобы, когда мы будем там, чтобы они не забывали внуков сюда приводить, показать там, где дедушка как с бабушкой. Да. Ну, это так, на мой взгляд, моральная сторона, которую надо показывать»* (РЗ).

Данные инциденты мы включили в уже упоминавшийся выше *концепт 2* «Культурные объекты» наряду с другими восстановленными объектами – памятниками, музеями (краеведческими и репрессий). Это придало соотношению *концептов 1* и *2* новую и весьма важную связь, которая не была очевидна изначально. Новые объекты, как правило, посвящены детям, а старые – предкам. Теперь же стала ясна логика в предпочтении

этих объектов в политике проектного финансирования: объекты в обоих концептах – воплощенная связь *поколений*, которая индицирует ценность личного и локального опыта. **Концепт 3** «Культурный туризм» лишен этой связи, и потому проектные инвестиции здесь ограничились мероприятиями. Такой контраст, возможно, неслучаен: спортивные, развлекательные, религиозные объекты/мероприятия – актуализированные в дискурсе и в наших интервью – так и не стали ни отдельными направлениями проектной деятельности, ни концептами в нашей теории.

Подводя итог, отметим, что категория «Управление коммодификацией» описывает усилия участников по сохранению права жителей на пространство и преемственности поколений; роль паттерна ясна – замедлить бегство жителей туда, где у них нет права на пространство и историю. Но что здесь проблема? Поиск проблемы предполагает критику GT и, следовательно, обсуждение абстрактных теоретических предпосылок модели объяснения.

Проблематизация

Проблематизация, возможно, сложнейшая исследовательская задача. От ее решения зависит выбор корневой категории и подтверждение завершенности нашей концептуализации социокультурной безопасности, которая должна быть соотнесена с социокультурной опасностью и с проблемой участников.

Основываясь на предположении о симметричности понятий безопасности и опасности, «проблему» можно интерпретировать как депопуляцию, утрату идентичности и/или исторической памяти, поскольку усилия администраторов направлены на противодействие выезду с малой родины и иным проявлениям деградирующего патриотизма. Однако в этом случае решение «проблемы» приравнивается к наличию у чиновников *достаточных* воли, знаний и средств: при их наличии проблема решается, при отсутствии – не решается. Такая тривиальная логика, столь характерная для обыденного и политического дискурса, в науке восходит к механистическому пониманию каузации. Последняя представляет собой трехчастную конструкцию (ситуация → действие → результат), заимствованную из естествознания: при наличии необходимых и достаточных условий эффект вероятен или неизбежен. В социологии же аргументация в терминах независимых («условия») и зависимых переменных («эффекты») была легитимирована с неявным и крайне спорным допущением, что логика доказательства есть логика объяснения. Условия были искусственно разделены на «объективные» (сложившиеся до вмешательства актора) и «субъективные» (привнесенные в ситуацию актором). В итоге вмешательство (действие) оказалось приравнено к решению проблемы (результат). Однако подобная конструкция есть не только ложное деление объективного и субъективного, примененное для введения в каузальную схему социального агента (в попытке социализи-

ровать заимствованную из физики схему каузации), но также и редукция объяснения к *ad infinitum*: например, муниципалитеты не решают «проблемы» в силу дефицита местных бюджетов, вследствие недостаточного выделения средств региональными властями, федеральными и т. д. Описанная логика часто скрывается за эвфемизмом «несбалансированное разделение налоговой базы». Аналогичная логика применяется и для объяснения бездеятельности или некомпетентности муниципальных администраторов, которые затем транслируются на региональные и федеральные власти (с эвфемизмом «недостаточный контроль»). Задача социального развития сводится к правильному определению «проблем» и привлечению нужных ресурсов. Отклонение от этого идеалистического сценария объясняется некомпетентностью или нежеланием ответственных ведомств прилагать должные усилия. Так объяснение сводится к хотению: (не) хотение (работать, учиться, контролировать или финансировать) всякий раз делегируется высшей инстанции.

Иной подход основывается на социологическом видении общества как арены взаимодействия или борьбы социальных движений, сословий и групп. В рамках него дефекты социального развития могут быть объяснены без фикции «субъективного» хотения. В частности, результаты борьбы местных администраторов за выживание своих округов никак не исключают риски депопуляции, поскольку решение их проблемы зависит от решений более могущественной группы – федеральных администраторов. Мы определили богатые и бедные округа, более и менее активные в проектной работе, более и менее успешные в решении местных проблем, но все эти различия никак не «объясняют» решение внешних администраторов продолжить либо прекратить финансирование местных проектов. В такой схеме отсутствует каузальная связь между действиями и результатами, поскольку «результаты» зависят от решений внешних акторов – федеральных администраторов, которые не испытывали на себе (местных) условий, не мотивировались ими и не предпринимали никаких позитивных действий. Отсюда следует, что схема «ситуация → действие → результат» несостоятельна.

Ранее эта схема была воплощена Штраусом в триаде «условия → (взаимо)действия → последствия», где (взаимо)действия – «стратегические или рутинные реакции индивидов или групп на задачи, проблемы, происшествия или события, возникшие при данных условиях» [51, с. 128]. Эта схема восходит к их общей с Глейзером идее, сформулированной в работе «Осведомленность о смерти» (1965): типичные паттерны взаимодействия возникают при структурных условиях и ведут к последствиям [31, с. 11]. Однако позднее Глейзер категорично отказывается и от данной парадигмы («Это точно не обоснованная теория» [34, с. 62]), и от выстраиваемой на ее основе категоризации, объявив таковую аналитически бесполезной, поскольку описательно последствия действий не отличаются от причиняющих действий. В самом деле, описания, построенные по формуле: «Рабочий прял, и продукт есть пряжа», потенциально бесконечны. В нашем исследовании примерами тому могли бы быть: в категории

«Управление коммодификацией» – перенаправление средств на культурные, культовые и бытовые объекты приводит к неразвитости туристического сектора; в категории «Ускорение развития» – использование *проектных* средств для строительства муниципальных объектов приводит к большему числу одновременно строящихся объектов.

Аналитическая проблема поиска нетривиальной связи «действие–последствия» была впервые сформулирована Р. Мертоном, который высказался за принципиальную невозможность калькулировать последствия [42]. Однако этот его тезис остался без должного внимания. К. Гемпель предложил схему формулирования законоподобных утверждений о связи «ситуация → действие → следствие» на основе предположения о рациональных предпочтениях, но она изначально тавтологична, поскольку сформулированное рациональное предпочтение (в ситуациях S актор α выбирает действие X_1) уже является законоподобным утверждением. Еще Г. Райл (на которого опирался Гемпель) указывал на необходимость учета ответных действий других участников [43, с. 98]. В социологии П. Абелл попытался включить эти действия в транзитивную последовательность: 1) в ситуации S α сделал X_1 ; 2) это X_1 ведет к β сделал X_2 ; 3) это X_2 ведет к α сделал O , где O – *ожидаемый результат* для α [24, с. 320]. В то же время очевидно, что указание Райла никак этим не учтено: если выбор X_1 есть также выбор X_2 (иными словами, если α заведомо знает предпочтения β), то вклад β в развитие событий ничтожен. Вместе с тем интеракция и история имеют место именно в силу непредопределенности действий сторон. Это значит, формальные требования к нетривиальным последствиям действия должны быть таковы: 1) они зависят от действий другой стороны и 2) существенно влияют на планы, ресурсы и отношения участников. Если влияние оказывается негативным, последствия понимаются как *проблема* участников.

Работая с категориями, мы обнаружили, что уклонение администраторов и их союзников от инвестирования в туристические объекты неслучайно. Более того, ответы респондентов заронили в нас подозрение, что тема туризма табуирована, и за уклонением участников интервью от открытого сомнения в перспективах развития туристической индустрии в округах стоит официальная политика. Хотя ГТ запрещает оценивать наблюдения с точки зрения до- и внеопытных обстоятельств, мы нашли официальный документ, способный подкрепить наше подозрение. Это Стратегия развития туризма в Пермском крае на период до 2035 года, которая ссылается на данные «Всемирного совета по туризму и путешествиям», указывающего на «вклад туристического сектора в мировую экономику» и отмечающего, что в РФ «*вклад туризма в экономику страны значительно меньше общемирового показателя*», где большую долю доходов приносят «*досуг, отдых и событийные мероприятия – 56%*»¹. Данный документ имеет

¹ Стратегия развития туризма в Пермском крае на период до 2035 года // Сайт губернатора и Правительства Пермского края. URL: <https://mtm.permkrai.ru/download.php?id=256183> (дата обращения: 10.03.2025).

явно выраженную коммерческую ориентацию (основная категория – «объем платных услуг») и противоречит местным объективным условиям развития туристического потока, сравнимого с коммерческим рекреационным и культурным туризмом в мире. Очевидно, региональная Стратегия есть лишь краевой инструмент реализации федеральной политики. Идеологически и вербально это не местный инструмент, а средство внешнего управления. Это конкретное, «материальное» свидетельство присутствующей в государственной политике развития территорий тенденции, при которой выбор экономических показателей не просто игнорирует неэкономические критерии развития (см. напр.: [8, с. 15], особенно, постулаты 2 и 5), но исключают саму ценность таких критериев.

Таким образом, социокультурная опасность, или *проблема участников*, есть угроза прекращения финансирования территорий федеральными властями. Данная угроза реальна и не зависит от успехов муниципалитетов в достижении плановых показателей развития. Напротив, она материализована в специфической практике федеральных властей. Правительство отказалось от принятого в советское время непрерывного нормативного финансирования, ориентированного на численность населения и нормирование общественных потребностей. В постсоветской России выбор сделан в пользу политики финансовых кампаний – стратегий, планов, программ развития, которые имеют четкие сроки реализации. По существу, это сроки прекращения финансирования, поскольку формально успехи реализации не ведут к пересмотру сроков.

Что этому выбору противопоставили местные администраторы и их союзники? Корневая категория описывает их политику как последовательную переориентацию инвестиций от развития туристической отрасли к объектам с выраженной *некоммерциализируемой* функцией. Провинция обладает весьма ограниченной и во многом специализированной «туристической привлекательностью». Наше исследование показало, что местные жители хорошо осведомлены о скудности поступлений от туризма. Мы полагаем, наши респонденты знают, что дискурс развития туризма выражает не наивность его авторов (эфемерность туристических доходов общеизвестна), а является вполне рациональным сигналом о готовности сократить проектное финансирование. Обоюдное и негласное признание этого конфликта интересов есть пример «взаимного притворства» как типа осведомленности [31, с. 11]: участники знают о несопадении декларируемых и реальных целей политики, но избегают выражать открытое сомнение, поскольку оно может быть воспринято как признак мятежа против официальной политики. Но что еще важнее, сама идея коммодификации находится в прямом противоречии со стратегией инвестирования в объекты с выразительно локальным, укорененным и моральным значением.

Заключение

Социокультурная безопасность не тождественна консервации привычного образа жизни или повышению качества жизни. Она являет собой активно реализуемую муниципальными администраторами стратегию буквального воплощения собственных и привлеченных усилий и средств в памятных, культурных и культовых объектах, которые зримо выступают носителями опыта жителей и духа места. Результат двоякий. С одной стороны, данная стратегия служит сохранению активного ядра сообщества – патриотов места, которые самым фактом прежнего участия творчески привязаны к объектам памяти и которые могут передать этот опыт новым поколениям. С другой – она обращена вовне, к государственным администраторам проектной политики: то, что памятные объекты поглотили значительную часть привлеченных (проектных) средств, что они зримы и символичны, возможно, служит местным жителям и администраторам гарантией продолжения финансирования провинции со стороны внешних администраторов. Таков наш результат концептуализации социокультурной безопасности. Как в данном случае следует понимать социокультурную угрозу? Согласно GT это проблема, на решение которой направлена стратегия участников. Если наша концептуализация верна, то угрозой существованию местных сообществ являются не дефицит средств, деградация качества жизни и депопуляция: это не причины, а проявления вымирания российской провинции. Угрозой является, с одной стороны, сама форма поддержки развития территорий в виде ежегодно формируемых фондов и конкурсов, которые создает атмосферу временности, непостоянства и ситуативности внимания внешних агентов (администраторов федеральных и негосударственных фондов), уделяемого сохранению провинции. Порождаемая этим неуверенность жителей в успехе их борьбы за финансирование в каждом следующем году актуализирует готовность покинуть родину и забыть ее. С другой стороны, эта неуверенность постоянно актуализируется дискурсом «туристической привлекательности», который также сигнализирует местным жителям и чиновникам о том, что интерес федеральных властей к сохранению российской провинции может быть непостоянен.

Библиографический список

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Весь мир. 2016. 360 с.
2. Великая Н. М., Тартыгашева Г. В. Кризис культуры в современной России: экспертное мнение и оценки населения // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 3(22). С. 64–75. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-3-64-75; EDN: ULJVM1.

3. Верминенко Ю. В., Ершов Н. В. Культурная безопасность общества и государства и ее основные угрозы // Управленческое консультирование. 2017. № 12(108). С. 111–119. DOI: 10.22394/1726–1139–2017–12–111–119; EDN: XQVCRV.

4. Вершинина С. В. Социокультурная безопасность личности в образовательной среде // Социология. 2016. № 3. С. 188–192. EDN: XAFYTX.

5. Волков Ю. Г. Восприятие гражданами исторической справедливости в современном социокультурном и политическом контекстах // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 155–170. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.8; EDN: RYCUUI.

6. Воронина Н. С. Мотивации волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 4. С. 87–107. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.752; EDN: ZAXXKD.

7. Герасимова И. А., Ивахнов В. Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Сервис +. 2017. № 2. С. 66–75. DOI: 10.22412/1993–7768–11–2–9; EDN: YRCEOX.

8. Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17. DOI: 10.31857/S013216250007445–2; EDN: NLCYDR.

9. Горшков М. К., Бараш Р. Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй) // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 125–137. DOI: 10.31857/S0132162524090119; EDN: MIDOFQ.

10. Забаев И. В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глейзера // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2011. № 32. С. 124–142.

11. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Рискогенность социокультурной среды обитания как фактор формирования социальных настроений // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 148–160. DOI: 10.17223/1998863X/43/14; EDN: XWEBPV.

12. Косыгина К. Е. О консолидации общества в условиях геополитической напряженности (по материалам исследования в Вологодской области) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 4. С. 199–218. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.11; EDN: YJHWDA.

13. Лапин Н. И. Антропосоциокультурный эволюционизм – мета-теоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 3–14. DOI: 10.7868/S0132162518030017; EDN: YVQXQL.

14. Маякова А. В. Анализ социокультурных рисков современного социума // Вестник ВГУ. Философия. 2019. № 3. С. 120–127. EDN: LAEQUD.

15. Нарыков Н. В., Скворцов И. П. Социокультурные аспекты национальной безопасности // Философия права. 2020. № 3(94). С. 25–31. EDN: UFFDKX.

16. Подъячев К. В. Роль гражданского общества в трансляции ценностей патриотизма: опыт российских локальностей // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: РОС, 2016. С. 2312–2322. EDN: WZSOMD.
17. Подъячев К. В. Политика развития в восприятии социальных акторов региона // Власть. 2019. Т. 27. № 6. С. 63–69. DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6830; EDN: OEUQVV.
18. Соколовский М. Л. Социокультурная безопасность образовательной среды вуза // Вестник СКФУ. 2018. № 6. С. 241–247. DOI: 10.37493/2307–907X–2018–69–6–241–247; EDN: YWPRYT.
19. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. В. В. Сапова. М.: Академ. п., 2020. 988 с.
20. Титов В. В. Национальная безопасность современной России: гуманитарные и социокультурные вызовы // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 9(86). С. 16–19. DOI: 10.24158/per.2020.9.2; EDN: ELUCBA.
21. Шакирова Е. Ю. Социокультурные и аксиологические аспекты безопасности // Вестник ПИУ. 2015. № 6(51). С. 155–161. EDN: VHEHZZ.
22. Шаповалова И. С. Анализ социокультурных угроз среды обитания // Гуманитарные, социально–экономические и общественные науки. 2015. Т. 2. № 11. С. 127–134. EDN: VHYBER.
23. Шестопал Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90–99. DOI: 10.31857/S013216250002161–0; EDN: YOUXUT.
24. Abell P. Comparative Narratives: Some Rules for the Study of Action // Journal for the Theory of Social Behavior. 1984. Vol. 14. No. 3. P. 30–332. DOI:10.1111/j.1468-5914.1984.tb00500.x.
25. Andrews M., Kinnvall C., Monroe K. Narratives of (In)Security: Nationhood, Culture, Religion, and Gender. Introduction to the Special Issue // Political Psychology. 2015. Vol. 36. No. 2. P. 141–150. DOI: 10.1111/pops.12224.
26. Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000. 264 p.
27. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. L.: SAGE, 1992. 272 p.
28. Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis. L.; Basingstoke: Macmillan press, 1979. 294 p.
29. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. 186 p.
30. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
31. Glaser B., Strauss A. An awareness of dying. Chicago: Aldine, 1965. 320 p.

32. Glaser B., Strauss A. The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research. Chicago: Aldine, 1967. 284 p.
33. Glaser B. Theoretical sensitivity: Advances in the methodology of grounded theory. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978. 164 p.
34. Glaser B. Basics of grounded theory analysis: Emergence vs. forcing. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1992. 129 p.
35. Glaser B. Doing grounded theory: Issues and discussions. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1998. 284 p.
36. Glaser B. The grounded theory perspective: Conceptualization contrasted with description. Mill Valley, CA: Sociology Press, 2001. 232 p.
37. Glaser B. The grounded theory perspective II: Description's remodeling of grounded theory methodology. Mill Valley, CA: Sociology Press, 2003. 217 p.
38. Glaser B. The grounded theory perspective III: Theoretical coding. Mill Valley, CA: Sociology Press, 2005. 160 p.
39. Glaser B. Doing formal grounded theory: A proposal. Mill Valley, CA: Sociology Press, 2006. 121 p.
40. Glaser B. Doing quantitative grounded theory. Mill Valley, CA: Sociology Press, 2008. 92 p.
41. Kinnvall C., Mitzen J. Anxiety, fear, and ontological security in world politics: thinking with and beyond Giddens // *International Theory*. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 240–256. DOI:10.1017/S175297192000010X.
42. Merton R. K. The unanticipated consequences of purposive social action // *American Sociological Review*. 1936. Vol. 1. No. 6. P. 894–904. DOI:10.2307/2084615.
43. Ryle G. *The Concept of Mind*. L.; N. Y.: Routledge, 2009. 314 p.
44. Saldaña J. *The coding manual for qualitative researchers*. Los Angeles: Sage, 2009. 368 p.
45. Šapkauskas V. Sociocultural vulnerability of the security of liberal democracy // *Public security and public order*. 2023. No. 35. P. 299–314. DOI: 10.13165/PSPO-24-35-22.
46. Schegloff E. A. Goffman and the analysis of conversation. In: *Erving Goffman: Exploring the interaction order* / Ed. by P. Drew, T. Wootton. Cambridge: Polity Press. 1988. P. 89–135.
47. Shapovalova I. S., Polukhin O. N. et al. Social and Cultural Threats and Risks of Russia // *The Journal of Social Sciences Research*. 2018. No. S5. P. 235–240. DOI: 10.32861/jssr.spi5.235.240.
48. Sørensen M. P. Interview med Ulrich Beck // *Slagmark – Tidsskrift for idéhistorie*. 2002. No. 34. P. 125–144. DOI: 10.7146/sl.v0i34.215.
49. Strauss A. *Qualitative analysis for social scientists*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 336 p.
50. Strauss A., Corbin J. *Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques*. Newbury Park, CA: Sage, 1990. 272 p.

51. Strauss A., Corbin J. Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998. 338 p.

Получено редакцией: 17.03.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Александр Евгеньевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии

Кетов Иван Владимирович, научный сотрудник кафедры социологии

DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.4

Conceptualizing the Notion of “Sociocultural Security” Using B. Glaser’s Grounded Theory¹

Aleksandr E. Kuznetsov

Perm State National Research University, Perm, Russia

kzntsv@list.ru

ORCID: 0000-0003-1699-6466

Ivan V. Ketov

Perm State National Research University, Perm, Russia

jollyget@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6701-4544

For citation: Kuznetsov A. E., Ketov I. V. Conceptualizing the Notion of “Sociocultural Security” Using B. Glaser’s Grounded Theory. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 1. P. 60–80. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.4; EDN: PUVANE.

Abstract. This paper attempts to conceptualize the notion of “sociocultural security” using B. Glaser’s version of grounded theory. The initial material for conceptualization was the results of the first stage of a study on regional experience in participatory budgeting projects, which represent a new form of state funding for municipal development based on applications submitted by residents. This article continues the discussion on the quality of public administration initiated in 2019 by M. K. Gorshkov, who noted that project budgeting could be motivated by misplaced expectations and false values reflecting the logic of bureaucratic control rather than the real interests and practices of local communities. The concept of “sociocultural security,” proposed by the research group, is intended to denote these very interests and practices characteristic of the everyday life and culture of local communities, rather than those of external administrators and consumers of the outcomes of territorial social administration. Current external interventions in the development of local communities are often based on quantitative performance indicators and expectations of high tourist attractiveness and profitability of subsidized peripheral areas, which do not always align with the real needs and characteristics of these communities. The article is based on interviews with administration employees, volunteers, and activists in six municipalities of Perm Krai. This research aimed to identify and analyze the real needs and practices of local communities in order to more accurately define the parameters of sociocultural security and develop recommendations for improving the quality of public administration in this area. The article offers a new perspective on the issue of participatory budgeting and its impact on the development of local communities, emphasizing the importance of considering the cultural and social characteristics of each region.

Keywords: Grounded Theory, state policies, proactive budgeting, local development

References

1. Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues. Ed. by. N. I. Lapin. Moscow, Ves’ Mir, 2016: 360 (in Russ.).

¹ **Acknowledgements.** The research is funded by the Russian Science Foundation, grant No. 24-78-10117.

2. Velikaya N. M., Tartygasheva G. V. Cultural crisis in Russia. Opinions of experts and people. *Vestnik RGGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, 2020: 3: 64–75 (in Russ.). DOI: 10.28995/2073–6401–2020–3–64–75; EDN: ULJVMJ.
3. Verminenko Yu. V., Ershov N. V. Cultural Security of Society and the State and its Main Threats. *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2017: 12: 111–119 (in Russ.). DOI: 10.22394/1726–1139–2017–12–111–119; EDN: XQVCRV.
4. Vershinina S. V. Sociocultural safety of the personality in the educational environment. *Sotsiologiya*, 2016: 3: 188–192 (in Russ.). EDN: XAFYTX.
5. Volkov Yu. G. Citizens' Perception of Historical Justice in the Modern Socio–Cultural and Political Contexts. *Vestnik instituta sotziologii*, 2024: 15: 4: 155–170 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.8; EDN: RYCUUI.
6. Voronina N. S. Motivating volunteers in emergencies. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 4: 87–107 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.752; EDN: ZAXXKD.
7. Gerasimova I. A., Ivakhnov V. Yu. The problem of preservation of cultural identity in conditions of globalization. *Servis Plus*, 2017: 2: 66–76 (in Russ.). DOI: 10.22412/1993–7768–11–2–9; EDN: YRCEOX.
8. Gorshkov M. K. Social Outcomes of the Post–Soviet Transformations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 11: 3–17 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250007445–2; EDN: NLCYDR.
9. Gorshkov M. K., Barash R. E. Historical memories of Russians today (History of the xx century Russia in the optics of families' stories). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2024: 9: 125–137 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162524090119; EDN: MIDOFQ.
10. Zabaev I. V. Data analysis logic in grounded theory: B. Gleser's version. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya: 4M)*, 2011: 32(0): 124–142 (in Russ.).
11. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Riskogenics of the sociocultural habitat as a factor of social sentiment formation. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018: 43: 148–160 (in Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/43/14; EDN: XWEBPV.
12. Kosygina K. E. On the Consolidation of Society in the Context of Geopolitical Tensions (Based on Research in the Vologda Region). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023: 14: 4: 199–218 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.11; EDN: YJHWDA.
13. Lapin N. I. Anthroposociocultural evolutionism – a metatheoretical principle of studying human communities. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 3: 3–14 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518030017; EDN: YVQXQL.
14. Mayakova A. V. Analysis of socio–cultural risks of modern society. *Vestnik VGU*, 2019: 3: 120–127 (in Russ.). EDN: LAEQUD.
15. Narykov N. V., Skvortsov I. P. Socio–cultural aspects of national security. *Filosofiya prava*, 2020: 3(94): 25–31 (in Russ.). EDN: UFFDKX.
16. Podyachev K. V. The Role of Civil Society in Propagation of Patriotic Values: Experience of Russian Local Societies. In *Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice*. Ed. by V. A. Mansurov. Yekaterinburg, ROS, 2016: 2312–2322 (in Russ.). EDN: WZSOMD.
17. Podyachev K. V. Development policy in the perception of social actors in the region (on the example of the Pskov Region). *Vlast'*, 2019: 27 (6): 63–69 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6830; EDN: OEUQVV.
18. Sokolovsky M. L. Sociocultural safety concept in educational environment of univercity. *Vestnik SKFU*, 2018: 6: 241–247 (in Russ.). DOI: 10.37493/2307–907X–2018–69–6–241–247; EDN: YWPRYT.
19. Sorokin P. A. *Social and Cultural Dynamics*. Transl. from Eng. by V. V. Sapov. Moscow, Akadem. proekt, 2020: 988 (in Russ.).
20. Titov V. V. National security of modern Russia: humanitarian and sociocultural challenges. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2020: 9(86): 16–19 (in Russ.). DOI: 10.24158/pep.2020.9.2; EDN: ELUCBA.
21. Shakirova E. Yu. Sociocultural and Axiological Aspects of Security. *Vestnik PIU*, 2015: 6(51): 155–161 (in Russ.). EDN: VHEHZZ.
22. Shapovalova I. S. Analysis of socio–cultural threats of environment. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, 2015: 2(11): 127–134 (in Russ.). EDN: VHYBER.
23. Shestopal E., Selezneva A. Socio–Cultural Threats and Risks in Contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 10: 90–99 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250002161–0; EDN: YOUXUT.

24. Abell P. Comparative Narratives: Some Rules for the Study of Action. *Journal for the Theory of Social Behavior*, 1984: 14: 309–332. DOI: 10.1111/j.1468-5914.1984.tb00500.x
25. Andrews M., Kinnvall C., Monroe K. Narratives of (In)Security: Nationhood, Culture, Religion, and Gender. Introduction to the Special Issue. *Political Psychology*, 2015: 36(2): 141–150. DOI: 10.1111/pops.12224.
26. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge, Polity Press, 2000: 264.
27. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London, SAGE, 1992: 272.
28. Giddens A. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis*. London; Basingstoke, Macmillan press, 1979: 294.
29. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, Stanford University Press, 1990: 186.
30. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge, Polity Press, 1991: 256.
31. Glaser B., Strauss A. *An awareness of dying*. Chicago, Aldine, 1965: 320.
32. Glaser B., Strauss A. *The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research*. Chicago, Aldine, 1967: 284.
33. Glaser B. *Theoretical sensitivity: Advances in the methodology of grounded theory*. Mill Valley, CA, Sociology Press, 1978: 164.
34. Glaser B. *Basics of grounded theory analysis: Emergence vs. forcing*. Mill Valley, CA, Sociology Press, 1992: 129.
35. Glaser B. *Doing grounded theory: Issues and discussions*. Mill Valley, CA, Sociology Press, 1998: 284.
36. Glaser B. *The grounded theory perspective: Conceptualization contrasted with description*. Mill Valley, CA, Sociology Press, 2001: 232.
37. Glaser B. *The grounded theory perspective II: Description's remodeling of grounded theory methodology*. Mill Valley, CA, Sociology Press, 2003: 217.
38. Glaser B. *The grounded theory perspective III: Theoretical coding*. Mill Valley, CA, Sociology Press, 2005: 160.
39. Glaser B. *Doing formal grounded theory: A proposal*. Mill Valley, CA, Sociology Press, 2006: 121.
40. Glaser B. *Doing quantitative grounded theory*. Mill Valley, CA, Sociology Press, 2008: 92.
41. Kinnvall C, Mitzen J. Anxiety, fear, and ontological security in world politics: thinking with and beyond Giddens. *International Theory*, 2020: 12(2): 240–256. DOI: 10.1017/S175297192000010X.
42. Merton R. K. The unanticipated consequences of purposive social action. *American Sociological Review*, 1936: 1: 894–904. DOI: 10.2307/2084615.
43. Ryle G. *The Concept of Mind*. London & NY, Routledge, 2009: 314.
44. Saldaña J. *The coding manual for qualitative researchers*. Los Angeles, CA: Sage Publications, 2009: 368.
45. Šapkauskas V. Sociocultural vulnerability of the security of liberal democracy. *Public security and public order*, 2023: 35(2024): 299–314. DOI: 10.13165/PSPO-24-35-22.
46. Schegloff E. A. Goffman and the analysis of conversation. In: Erving Goffman: Exploring the interaction order. Eds. Drew P., Wootton T. Cambridge, Polity Press, 1988: 89–135.
47. Shapovalova I. S., Polukhin O. N. et al. Social and Cultural Threats and Risks of Russia. *The Journal of Social Sciences Research*, 2018: 5: 235–240. DOI: 10.32861/jssr.spi5.235.240.
48. Sørensen M.P. Interview med Ulrich Beck. *Slagmark – Tidsskrift for idéhistorie*, 2002: 34: 125–144. DOI: 10.7146/sl.v0i34.215.
49. Strauss A. *Qualitative analysis for social scientists*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987: 336.
50. Strauss A., Corbin J. *Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques*. Newbury Park, CA, Sage, 1990: 272.
51. Strauss A., Corbin J. *Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA, Sage Publications, 1998: 338.

The article was submitted on: March 17, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr E. Kuznetsov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Department of Sociology

Ivan V. Ketov, Research fellow of Department of Sociology